

A woman with long dark hair, wearing a grey sweater, stands in profile looking out of a large, multi-paned window of a dark wooden house. The window is illuminated from within, casting a warm glow. The house has ornate wooden carvings above the window. Outside, it is dark and misty, with tall evergreen trees visible in the background. A full moon is visible in the sky, surrounded by concentric circles. The overall mood is contemplative and mysterious.

Дара Вейн

«Дом с чёрными окнами»

Дара Вейн

«Дом с чёрными окнами»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Дом с чёрными окнами» / Д. Вейн — «Автор», 2026

Анна — идеальная жена: послушная, тихая, дома. Виктор — муж, который запретил ей работать, общаться с подругами, смотреть на других мужчин и даже иметь собственные деньги. Двенадцать лет она живёт по его правилам, не замечая, что правила — это клетка. Виктор не бьёт — он молчит, контролирует, отрезает от мира. А сам ведёт двойную жизнь: любовницы, криминальные дела, связи в теневом мире. Одна случайная встреча в поликлинике даёт Анне слово, которого ей не хватало, — «абьюз». И она начинает выбираться. Тихо, по шагам, с двенадцатью тысячами рублей в кармане старого пальто и семилетним сыном за руку — навстречу к жизни, в которой можно просто дышать.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

«Дом с чёрными окнами»

Глава 1. Как выглядит нормальная жизнь

Анна Сергеевна Зорина, тридцать четыре года, высшее незаконченное, домохозяйка, проживает по адресу: Йошкар-Ола, улица Красноармейская, дом 12, квартира 47. Муж — Виктор Павлович Зорин, тридцать восемь лет, предприниматель. Сын — Алексей, семь лет, школьник.

Если бы Анну попросили описать свою жизнь одной фразой, она бы сказала: «Нормально». Не хорошо — нормально. Не плохо — нормально. Это слово было её бронёй, её стеной, её способом существовать в реальности, которая не помещалась ни в «хорошо», ни в «плохо», потому что не имела точки отсчёта. Нормально — это когда не с чем сравнить.

Она просыпалась в шесть тридцать. Виктор уходил в семь, иногда раньше, иногда — не приходил вовсе, и тогда Анна не спрашивала, потому что спрашивать было опаснее, чем не знать. Она готовила завтрак Лёше, собирала его в школу, провожала до двери. Потом — кухня, уборка, стирка, глажка. Обед. Школа — забрать. Домашние задания. Ужин. Виктор возвращался между восемь и полночью. Иногда — пахнувший алкоголем, иногда — женщинами, иногда — ничем, и тогда было хуже всего, потому что ничем не пахнет только тот, кто умеет замечать следы.

Она не работала. Не потому что не хотела — потому что Виктор запретил. Это произошло не скандалом и не ультиматумом. Это произошло так, как всё в их семье: мягко, заботливо, необратимо.

Лёше было четыре месяца, когда Анна впервые сказала, что хотела бы вернуться в агентство. Виктор не ответил. Он допил чай, отнёс чашку в раковину, поцеловал её в макушку и сказал:

— Ты хочешь отдать нашего сына няньке? Чужому человеку? Я не понимаю тебя, Аня. Я думал, для тебя ребёнок — это важно.

И всё. Точки расставлены. Вопрос закрыт. И закрыт не угрозой — виной. Анна сама себя наказала — почувствовала себя плохой матерью за то, что хотела выходить из дома. Виктор даже не повысил голос. Ему не нужно было.

Квартира на Красноармейской была просторной — три комнаты, балкон на восток, ремонт, который Виктор заказал и контролировал сам. Анна не выбирала обои. Не выбирала мебель. Не выбирала шторы. Виктор говорил: «Я лучше разбираюсь в дизайне, у меня вкус». И Анна верила — может, действительно лучше. Может, действительно вкус. Она не замечала, как «вкус» Виктора распространялся на всё: на еду («это не еда, это баловство»), на одежду («синее тебе идёт, а красное — нет»), на людей («эти — нормальные, а эти — нет»), на мысли («ты придумываешь, этого не было»).

К тридцати четырём годам Анна не знала, какой цвет ей нравится. Не знала, какую музыку она любит. Не знала, чего хочет — потому что хотеть было опасно. Желание — это риск. Риск — это конфликт. Конфликт — это молчание. А молчание было хуже всего.

Глава 2. Кто такой Виктор

Виктор Павлович Зорин. Для соседей — бизнесмен. Для матери Анны — «хороший зять, обеспечивает семью». Для Лёши — отец, которого надо бояться тихо, без слёз и без вопросов.

Для города — человек с определённым весом.

Виктор вырос на улице Строителей, в районе, который в девяностые назывался «деревня» — не потому что деревня, а потому что законы там работали как в деревне: все всех знали, все всех судили, и сила решала больше, чем право. Отец Виктора — Павел Никитич Зорин —

работал на заводе, пил, бил мать, бил Виктора, исчез, когда Виктору было четырнадцать. Мать — Нина Фёдоровна — тянула двоих детей на зарплату дворника и подачки соседей. Виктор вырос с пониманием, которое не формулировал, но нёс всю жизнь: мир — это сила. Кто силен — тот прав. Кто слаб — тот виноват. Его мать была слабой — и поэтому страдала. Виктор решил: он не будет слабым. Никогда.

К двадцати годам он был уже не мальчик с окраины, а человек с именем. Не громким — но весомым в определённых кругах. Начиная с рынка — «крышевал» палатки, решал споры между торговцами, знакомился с людьми, которые потом станут его «партнёрами». К двадцати пяти — автосервис на Московской. К тридцати — две торговые точки, доли в строительных подрядах, связи в администрации, связи в полиции — не коррупция в газетном смысле, а тоньше: подарки к праздникам, «помощь» нужным людям, общие дела, общие молчания.

Виктор не был бандитом в том смысле, в каком люди представляют бандитов: без «шестёрки», без золотых цепей, без стрельбы на улицах. Он был из поколения тех, кто перерос девятые, надел рубашку с воротником и научился говорить «инвестиции» вместо «крыша». Но под рубашкой — тот же парень с улицы Строителей, для которого «человек понял» — это не разговор, а аргумент.

Его дела были устроены слоями, как торт. Верхний слой — легальный: автосервис, торговля, ремонтные подряды. Средний — полутеневой: доли в чужих фирмах, обналичка, «консультации». Нижний — тот, о котором не говорили. Тот, где «человек понял». Тот, где вопросы решались без суда и без бумаг.

Анна не знала нижнего слоя. Она знала верхний — Виктор показывал ей. Автосервис, где он «руководил». Палатки на рынке, которые «приносили доход». Она знала, что у него есть «деловые партнёры» — мужчины, которые приходили домой, сидели на кухне, курили, говорили тихо. Она знала, что иногда он уезжал ночью и возвращался с другими запахами — не духами, а чем-то другим: дымом, землёй, потом, страхом. Она знала, что однажды — это было три года назад — он пришёл с разбитой костяшкой и сказал, что «подрался на парковке». И она знала, что не поверила ему. Но не спросила.

Не спрашивать — это было её второе имя. Первое было «нормально».

Глава 3. Механизм

Психология абьюза работает не так, как представляют снаружи. Снаружи кажется: вот жертва, вот тиран, тиран бьёт, жертва терпит. Просто. Линейно. Но внутри — ничего простого.

Виктор не бил. Ни разу за двенадцать лет. Он не ударил Анну, не толкнул, не схватил за волосы. И именно это было его инструментом — потому что Анна никогда не могла сказать: «Он меня бьёт». Она могла сказать только: «Мне плохо». А «мне плохо» — это не аргумент. Это не улика. Это не основание для жалобы. Это — паранойя. Неблагодарность. Истерика.

Его методы были тоньше удара. И оттого — прочнее.

Газлайтинг. Анна говорила: «Ты вчера обещал, что мы поедим к маме». Виктор отвечал: «Я этого не говорил. Ты придумываешь. У тебя с памятью проблемы». Анна сомневалась. Может, действительно не говорил? Может, она перепутала? Может, она это придумала? Постепенно она перестала доверять собственной памяти, собственным чувствам, собственным ощущениям. Если Виктор говорил, что борщ невкусный, — значит, невкусный. Если говорил, что она поправилась, — значит, поправилась. Он был единственным зеркалом, и зеркало показывало только то, что он хотел.

Изоляция. Не одномоментная — постепенная, как отравление тяжёлой водой. Сначала — подруги. Оля отпала первой: «Я её видел в городе с каким-то типом, я бы на твоём месте не дружил с такой». Марина — «она тебе завидует, я вижу». Катя — «тебе сколько лет, а ты как подросток, по гостям ходишь». Каждое отрезание сопровождалось заботой: «Я хочу, чтобы у тебя были нормальные люди вокруг, а не эти». Когда людей не осталось, Виктор сказал: «Странно, что твои подруги так легко тебя бросили. Вот бы я никогда не бросил».

Контроль через ребёнка. Лёша был не только сыном — он был рычагом. «Ты хочешь, чтобы Лёша рос без отца?», «Ты хочешь забрать у меня сына?», «Суд отдаст его мне, у меня квартира, деньги, связи. А у тебя что?» Это — не пустая угроза. Виктор знал, что в суде слово «бизнесмен» звучит весомее, чем «домохозяйка». И Анна знала.

Финансовый капкан. Без работы, без своего счёта, без доступа к деньгам, кроме тех, что Виктор выдавал на продукты. Каждая покупка — отчёт. Каждая лишняя сотня — допрос. «На что ты потратила?» — и Анна разворачивала чек, как карту местности, пытаясь доказать, что не потратила ни копейки лишнего. Виктор проверял. Иногда — находил «лишнее»: упаковку печенья, детский журнал. «Ты не умеешь экономить. Я работаю, а ты транжиришь».

И при всём этом — он не был монстром каждую секунду. И это было самое страшное. Иногда Виктор был мягким. Приходил с игрушкой для Лёши. Говорил: «Прости, я был резок, я устал». Обнимал. И Анна таяла — потому что ей так хотелось, чтобы это был настоящий Виктор, тот, за которого она выходила замуж. И она верила. Каждый раз. А потом — снова. Молчание, контроль, холод, чужие духи.

Цикл: напряжение — взрыв (тихий, холодный, не физический) — примирение — затишье. Снова напряжение. Снова взрыв. Снова. И каждый цикл стирал ещё немного того, что было Анной.

Глава 4. Нижний слой

Виктор не говорил Анне о нижнем слое. Но нижний слой существовал — и Анна жила рядом с ним, как живут рядом с подвалом, в котором что-то гниёт: не видят, но чувствуют.

Виктор пришёл в «дела» через Рустама. Рустам Галеев — ровесник, с той же улицы Строителей, только с другого конца: там, где дома были панельные, а дворы — асфальт и гаражи. Рустам был старше Виктора на три года и умнее — не книжно, а по-уличному: умел молчать, когда другие кричали, и договариваться, когда другие били. Они познакомились в пятнадцать — Рустам защищал Виктора от старших пацанов, Виктор — платил преданностью. К двадцати Рустам был «решальщиком» — человеком, к которому приходили, когда нельзя было идти в полицию. К двадцати пяти — владельцем трёх точек и другом нужных людей.

Виктор стал его правой рукой. Не «шестёркой» — «шестёрки» меняются, Виктор был постоянным. Рустам решал — Виктор исполнял. Рустам договаривался — Виктор «убеждал». Рустам говорил «надо» — Виктор делал.

Что именно делал — Анна не знала. Но знала контуры: командировки, которые не были командировками; звонки, которые брались на лестнице; «деловые партнёры», которые приходили не в офис, а домой, на кухню, и говорили шёпотом, и курили, и уходили ночью. Она знала, что однажды Виктор приехал на новом «Гелиосе», хотя старую машину не продавал — «разбилась, списал». Она знала, что однажды из его кармана выпала зажигалка с гравировкой — «Р.Г.», и Виктор сказал «подарок от клиента», и Анна не спросила.

Она знала — и не знала. Это было её умение: знать и не знать одновременно. Знать краем сознания, но не давать знанию стать полным, потому что полное знание — это ответственность. А ответственность — это действие. А действие — это опасно. И Анна не действовала. Она существовала рядом с тёмной водой — и делала вид, что вода — это пол.

Глава 5. Ира

Первой была Ира.

Ирина Владимировна Кузнецова, тридцать два года, бухгалтер в фирме Рустама. Высокая, с тёмными волосами, с правильной осанкой и глазами, которые смотрели на мужчин так, будто оценивают — не внешность, а надёжность. Ира была умной — по-книжному, по-жизненному, по-бухгалтерски. Она знала, как считать чужие деньги и молчать о своих.

Виктор познакомился с Ирой на дне рождения Рустама — три года назад, когда Лёше было четыре. Ира сидела напротив, пила вино, говорила мало, улыбалась редко — и именно

это зацепило Виктора. Анна улыбалась всегда — не от счастья, от страха, но Виктор уже не различал. Ира не улыбалась — и это была свобода, которую Виктор хотел получить. Не женщину — свободу. Женщину, которая свободна, потому что он ей разрешил.

С Ирой всё было иначе, чем с Анной. Ира не была жертвой — или не была ею сначала. Она была партнёром: с деньгами, с квартирой, с мнением. Виктор не мог её контролировать так, как Анну — Ира работала, зарабатывала, жила одна. Он не мог отрезать ей друзей — у Иры были свои. Не мог забрать документы — Ира держала их в своей тумбочке, в своей квартире, на своих условиях.

Виктору приходилось быть другим. Нежнее. Внимательнее. Интереснее. С Анной он не старался — зачем? Она никуда не денется. С Ирой — старался. Цветы, рестораны, поездки в Казань на выходные. Ира принимала — не потому что была наивна, а потому что Виктор был красив, силен, опасен, и опасность привлекала. Ира знала, кто он. Не всё — но достаточно. И её это не пугало. Или пугало — но страх был сладким, как дым: тянешь, знаешь, что вредно, но тянешь.

Ира знала, что Виктор женат. Ира верила — или делала вид, что верила. Ей было удобно: замужняя женщина — это статус, но замужняя женщина другого — это свобода от обязательств. Она не должна была ему ничего. Он не должен был ей ничего. Всё — по-взрослому.

Всё изменилось через год. Ира захотела большего. Не свадьбу — нет. Определённость. «Я не могу быть вечной второй, Витя. Либо я — первая, либо — никак». Виктор не ответил. Он не умел быть вторым — только первым. Но и Анну не бросал — Анна была фундаментом, на котором стоял его дом. Без Анны — хаос. Без Иры — скука. Ему нужна была и та, и другая. И третья — но об этом позже.

Ира ждала полгода. Потом — ультиматум. Виктор не принял. Ира ушла — хлопнула дверью, забрала вещи, поменяла номер. Виктор не преследовал — не из уважения, а потому что Ира знала слишком много. Знала про деньги. Про потоки. Про Рустама. Про «человек понял». Виктор не мог позволить ей стать врагом. Поэтому — отпустил. И назначил ей «подарок» — ежемесячно, небольшими суммами, через посредника. Не щедрость — страховка. Ира брала. И молчала.

Анна не знала про Иру. Но чувствовала — после того, как Ира ушла, Виктор стал другим. Злее. Холоднее. Чужие духи сменились отсутствием духов — и отсутствие было страшнее, потому что пустота не имеет объяснения.

Глава 6. Света

Второй была Света.

Светлана Юрьевна Морозова, двадцать восемь лет, администратор в автосервисе Виктора. Маленькая, светлые волосы, смущённая улыбка, круглое лицо с веснушками — лицо девочки, которая не повзрослела. Света была не как Ира — не умная, не самостоятельная, не свободная. Света была как Анна — мягкая, послушная, благодарная. Виктор выбирал по шаблону: те, кто не сопротивляется. Те, кто не уходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.